

*Алевтина
Цветкова*

кандидат филологических наук,
ПГПИ, г. Павлодар

МОТИВ ЗАЩИТЫ В СТРУКТУРЕ СЮЖЕТА БЫЛИЧКИ

(по записям быличек Центрального и Северного Казахстана)

Быличка – это устный прозаический суеверный рассказ о столкновении человека с представителями «чужого» мира или с людьми-посредниками между «своим» и «чужим» мирами. Такие рассказы дают представление не только о мифологических персонажах (домовых, банниках, леших, русалках, покойниках, ведьмах и т. д.), но и о взаимодействии человека с этим миром, то есть человек в системе персонажей былички занимает заметное место. Быличка относится к числу активно бытующих в настоящее время жанров фольклора, что говорит о продуктивности мифологических моделей.

В качестве основных единиц анализа, определяющих содержание и структуру фольклорных жанров, используются прежде всего мотив и сюжет. По утверждению В. П. Аникина, мотив не может существовать вне указания на субъект действия (персонаж), само действие (образный предикат) и объект действия. Мотив должен обладать определенной степенью обобщенности [1; 142]. Мотивы, представляющие собой названное семантическое триединство, являются зерном сюжета былички. Субъектом и объектом сюжетообразующего действия могут быть и мифологический персонаж, и человек.

Как подчеркивает С. Ю. Неклюдов, «семантическая структура мотива инвариантна по отношению к множеству своих текстовых реализаций, причем не только в одной национальной традиции, но и в мировой словесности вообще» [2; 243]. Структура сюжета устных мифологических рассказов характеризуется устойчивыми, закономерно повторяющимися мотивами-инвариантами, которые на уровне конкретного текста заполняются реальным содержанием и становятся сюжетными мотивами.

По нашим наблюдениям структура сюжета былички отражает особенности ритуального поведения человека. Различаются две тактики ритуального поведения. Первая программировала поведение человека в случае нерегламентированного проникновения «чужого» в «свое». В сознании человека это присутствие «чужого» связывалось с нарушением какой-либо нормы (ритуала, обряда, обычая, а в современности – бытовой, этической нормы). Структурная формула сюжета былички, восходящая к названной тактике ритуального поведения, состоит из следующих взаимосвязанных мотивов-инвариантов: «Человек нарушает запрет» – «МП (здесь и далее МП – мифологический персонаж) действует» – «Человек разоблачает МП» – «Человек вступает в контакт с МП» – «Человек переживает

последствия контакта с МП» – «Человек защищается от МП». Вторая тактика ритуального поведения характеризуется тем, что человек сознательно проникает в «чужой» мир. Нарушение границ происходит через ритуальное действие или обряд. Структура сюжета быличек, соответствующая данной тактике ритуального поведения, представляет собой взаимодействие следующих мотивов-инвариантов: «Человек вступает в контакт с МП»; «МП действует»; «Человек переживает последствия контакта с МП»; «Человек защищается от МП».

Основное действие человека в быличке сводится к стремлению восстановить границы «своего» и «чужого» и тем самым обезопасить себя. Исходя из этого, значимую роль в структуре сюжета играет мотив-инвариант «Человек защищается от МП». В настоящей статье рассматривается семантика и динамика названного инварианта. К анализу привлекаются тексты быличек из фольклорных архивов Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (ФА ЕНУ), Кокшетауского государственного университета им. Ш. Валиханова (ФА КГУ), Павлодарского государственного педагогического института (ФА ПГПИ).

И. И. Земцовский отмечает: «Жизнь традиции – это постоянное высвечивание и затемнение ее корней, причем всегда и везде, в каждом ее живом элементе» [3; 11]. Эту мысль как нельзя лучше иллюстрирует анализ текстов быличек, бытующих в современности.

Быличка отражает картину мира древнего человека, дает ряд мифологических представлений о мироустройстве. Исходя из этого, в структуре сюжета выявляются сюжетные мотивы, имеющие языческие корни и отражающие древнейшие славянские верования. Так, в быличках о ведьме мотиву-инварианту «Человек защищается от мифологического персонажа» соответствуют сюжетные мотивы: человек вбивает в сердце умершей ведьмы осиновый кол, бьет по тени оборотня, скручивает в кармане дули, втыкает иголку в испод стола (в косяк), кладет на порог березовый веник; в быличках о покойнике: человек защищается от покойника руганью, сыплет вокруг дома мак, кладет под подушку траву, забивает в грудь покойнику осиновый кол, втыкает в косяк ножи, топоры; в быличках о домовом: человек закапывает перед порогом череп или голову козла, обкуривает дом священной травой, рвет на себе одежду, произносит слова «приходи вчера», защищается с помощью ругани (матерной брани).

Остановимся на анализе семантики некоторых мотивов. Можно заметить, что в сюжетных мотивах отражаются мифологические представления о растениях. Так, осина с древности считалась деревом нечистым, связанным со злыми силами, деревом удавленников, орудием колдовства [4; 65]. В сюжетах быличек осиновый кол является средством защиты от вредоносных действий персонажа: «Была у нас в деревне баба Клавдия Кузнецова. Превращалась в свинью, и люди по вечерам боялись выходить из дому. И бегала она по деревне. Она здесь же умерла, в нашей деревне, и похоронена здесь она. Но после смерти она тоже будоражила людей, бегала по деревне. Потом уже люди не вытерпели, вбили осиновый кол. Потом она перестала бегать» (записано от Жуковой Т. П., 1944 г. р., ФА ПГПИ-2005).

Повсеместно распространенный в народе обычай хранить в доме сильно пахнущие растения в качестве оберега, связанный с представлением об особой чувствительности персонажей иного мира к запахам, в вербальной форме калькирует мотив «Человек кладет под подушку траву».

Сюжетный мотив «Человек (священник) сыплет вокруг дома мак» основан, во-первых, на вере в магическую силу круга как оберега от внешней стихии [5; 51], а во-вторых, на поверьях о маке, как о растении, связанном с образом сна и смерти. «Мак» в переводе с латинского «*somniferum*» означает «сон несущий». Культура мака – одна из древнейших [6; 149]. Эти представления отражены и в современных записях быличек: «Умерла у одной девушки мать. Похоронили ее. И вот стала покойница к дочке приходиться и разговаривать с ней. И днем и ночью что делать? Вот и посоветовали девушке соседи насыпать вокруг дома трехгодовалый мак, чтобы покойница не приходила. Послушалась девушка и сделала все, как велели. Вот в следующий раз явилась покойница и говорит: «Эх, дочка, зачем же ты маку столько просыпала? Скоро праздники, а тебе пирожки не с чем печь будет!» А на столе у девушки лежала горстка мака. Глянула она на стол, а вместо мака лежит земля и мусор. Больше мать не приходила» (записано от Кузнецовой Н. П., 1935 г. р., ФА КГУ-1989).

Острым железным предметам в мифологии многих народов приписывались особые магические свойства. С этими верованиями связаны и сюжетные мотивы устных мифологических рассказов: «Это было давно. Бабушка рассказывала. Как бабушки моей муж умер, так она сильно плакала. А осталась она одна с маленьким сыном на руках. Так, видно она его приплакала. Однажды дверь распахнулась, а в дверях стоит покойник. Он зашел, побрился, походил, походил и ушел. Так он ходил месяца два. Бабушка моя вся исхудала от страха. И пошли они к одной бабке. Та ей посоветовала, чтобы она на все окна и двери поставила ножи, топоры и все острое, чтобы он не мог пройти. Так вот, он пришел и не может зайти. Кружился, кружился, затем посмотрел в окно и говорит: «Ты даже на окна иголки понатыкала, что я тебя не вижу». Он, видно, обиделся сильно, так после этого и не приходил» (записано от Каштан М. Д., 1939 г. р., ФА ПГПИ-1993).

Общение с нечистой предполагало применение особых языковых средств, понятных обеим сторонам. В местной фольклорной традиции с этим связан сюжетный мотив «Человек защищается от МП с помощью ругани, матерной брани».

Поскольку мир нечистой силы представлялся миром «наоборот», вывернутым, в условиях контакта с этим миром распространены были действия, противоположные обычным. В фольклорной традиции этим представлениям соответствуют мотивы «Человек, защищаясь от МП, рвет на себе одежду», «Человек, защищаясь от домового, произносит слова «приходи вчера». Например: «Мы тогда жили в Тихомировке. Это со мной было, когда я еще в девках ходила. Сижу я как-то одна в пустой хате, пряжу скубу. Слышу, как меня кто-то зовет по имени. Так тихо, глухо зовет, будто из-под земли. Я посмотрела, в доме никого нет, пошла на двор – никого нет. Так было два дня. Потом я рассказала маме, она и говорит: «Это домовый тебя зовет. Ты же молодая. Ты ему скажи: «Приходи вчера». И он не будет больше звать». Я так и сделала. Когда он меня опять звал, я про себя сказала: «Приходи вчера». Больше я его не слышала» (записано от Шевченко В. Т., 1921 г. р., ФА ПГПИ-1994).

То, что бессмысленно в реальной действительности, имеет смысл в иномирном пространстве. В связи с этим в сюжетах быличек нередко используется прием нон-сенса, нарочито бессмысленных ситуаций. Ситуации абсурдные, недопустимые в жизни, проигрываются героиней былички в целях защиты от мужа-покойника: «...В эту ночь муж обратно пришел к ней и, увидев ее, спросил: «Что ты, Клавдия,

делаешь?» Она ответила: «Волосы расчесываю и вшей отгоняю». – «А разве ночью этим занимаются?» На что она ответила: «А разве ночью с могилы уходят?» В это время бабушка ей наказала взять семечки и жевать их. И муж ее спросил: «Что ты делаешь?» Она ответила: «Вшей ем». – «А разве их едят?» На что она сказала: «А разве ночью с могилы уходят?» После этого он исчез и больше не навещал» (записано от Иванковой О. П., 1931 г. р., ФА ПГПИ-1993).

Принятие христианства в качестве официальной религии и распространение его в народной среде порождает в мифологической прозе христианские способы оберега от нечистой (языческой) силы. Христианскими оберегами являются слово (молитва), вода, освященная в церкви, крест. Это находит отражение в сюжетных мотивах: «Человек читает молитву при появлении МП», «Человек льет на могилу священную воду», «Человек осеняет МП крестом», «Человек ставит свечку за упокой, защищаясь от покойника», «Человек освящает комнату». Например: «... Чувствует она на плече своем холодную руку. Глаза закрыла и опять открыла. Стоит перед нею умерший муж в костюме (в каком схоронили) и говорит: «Пошли со мной, собирай вещи». Она стала вещи собирать, а там были рубашки, туфли его. Он вещи в узелок собрал, взял ее руку и говорит: «Идем». Она пошла с ним. Привел он ее на кладбище, нашел свою могилу и говорит ей: «Вот мое новое жилье. Сама меня тут поселила». Начал он ее в могилу тащить, а она кричит, упирается. Она перекрестила его, он исчез. Пошла она на следующий день в церковь, попросила воды святой и земли освященной. Землю на могилу высыпала, воду тоже вылила на могилу. Молилась о спасении души мужа. Ночью он пришел и сказал, что теперь его душа спокойна. Больше он ее не тревожил» (записано от Абисовой В. Г., 1948 г. р., ФА ПГПИ-1995).

Под влиянием воодушевленного отношения к христианству в народе возникает бытовая вера, которая не считается отклонением от канонов. На самом деле она являет собой причудливое соединение языческого и христианского: «...А потом она рассказала о том, что видела, своему хозяину, а он сразу побежал к бабушке. Бабушка пошел на кладбище, на могилку, отпел молитву и сказал забить осиновый кол в землю могилы, чтобы покойная не гуляла. А выходила она потому, что ей было трудно, тяжело с ребенком проститься. Как только кол вбили, так она, эта женщина, и перестала выходить из могилы» (записано от Власовой Л. Д., 1951 г. р., ФА ПГПИ-2005).

Влияние сказки приводит к тому, что в быличке появляются элементы чудесного (сюжетный мотив «Человек защищается от покойника хитростью»): «Одна девушка гуляла с одним парнем, он умер. Она плакала, плакала, потом он стал к ней приходить. Приехал раз и говорит: «Поехали со мной». А приехал на коне. Ну, она и поехала. Едут, а он говорит: «Скорей, скорей, конь, до гроба, бо петухи запоют, а у меня злой дух, что боится петух». Приехали до могилы, он говорит: «Я буду подавать багаж, а ты принимай». А она ему говорит: «Нет, лучше я буду подавать багаж, а ты принимай». Вот она подает ему багаж, все подала, а потом сняла бусы и кидает ему по одной. Покидала и сама убежала. А он пока все бусы поймал, запели петухи» (записано от Исаенко Ф. З., 1905 г. р., ФА ЕНУ-1981).

Способность мотивов-инвариантов наполняться со временем новым содержанием приводит к возникновению в быличках новых сюжетных мотивов, восходящих к инварианту «Человек защищается от МП» и закрепляющих народные

бытовые и этические нормы: «Человек покидает дом, куда ходит покойник», «Человек просит пожить с ним в доме другого человека», «Ведьма боится человека сильнее и добрее себя». Но, как показывают наши наблюдения, подобные мотивы немногочисленны.

Таким образом, мотив-инвариант «Человек защищается от мифологического персонажа», выявляемый в структуре сюжета былички, содержит информацию об особенностях ритуального поведения человека в ситуации столкновения с представителями «чужого» мира. Сюжетные мотивы, соответствующие инварианту, восходят к языческим представлениям. Однако в процессе длительного бытования они закрепляют христианские верования и более современные бытовые, этические нормы. Размывание жанровых границ былички и сказки способствует проникновению в быличку сказочных мотивов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В. П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М., 1980.
2. Неклюдов С. Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. М., 2004. С. 236–248.
3. Земцовский И. И. Жизнь фольклорной традиции: преувеличения и парадоксы // Механизм передачи фольклорной традиции. СПб., 2004. С. 5–25.
4. Волошина Т. А., Астапов С. Н. Языческая мифология славян. Ростов-на-Дону, 1996.
5. Попович М. В. Мировоззрение древних славян. Киев, 1985.
6. Кузнецова М. А., Резникова А. С. Сказания о лекарственных растениях. М., 1992.

